Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2019

Ростов
2020

Общие закономерности в подборе сюжетов для клейм житийных икон Николая Чудотворца и Сергия Радонежского

С. А. Гаркуша

Безусловно, наиболее значимым и почитаемым русским святым является Сергий Радонежский. Его канонизация обусловила появление иконного образа. Помимо единоличных изображений уже с конца XV в. особо распространяются и житийные иконы преподобного. В связи с немногочисленной практикой создания агиографических икон русских святых в более ранний период («в житии» нам известны только иконы Бориса и Глеба) иконописцам приходилось вырабатывать новые каноны создания житийных образов.

Перед мастерами стояла сложная задача — на основании выбранного текста и пожеланий заказчика разработать новую иконографическую программу, чтобы достойно и наиболее емко отразить жизнь и подвиги новопрославленного русского подвижника. Чтобы сделать образ доступным и понятным, иконописцы, вероятнее всего, опирались на сложившуюся традицию изображений величайшего общехристианского святого — Николая Мирликийского. Его житийные иконы, без сомнения, являются самыми распространенными. Этот агиографический текст, воплощенный в красках, стал образцом для создания образов новопрославленных святых. Через некоторые житийные иконы русские подвижники, прежде всего святители и преподобные, уподоблялись Николаю Мирликийскому.

Еще до появления житийных циклов русских преподобных Николай Чудотворец стал изображаться на иконах вместе с избранными русскими подвижниками. Первым следует отметить образ Николая и ростовских святителей Леонтия и Игнатия[1] (вторая половина XIV в., Государственная Третьяковская галерея (далее — ГТГ))[2]. Как отмечал

[1] В каталоге В. И. Антоновой и Н. Е. Мнёвой (*Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. М., 1963. Т. 1. С. 214) второй святой обозначен как Исайя. Однако А. Г. Мельник (*Мельник А. Г.* Загадочная икона с изображением Николы Чудотворца и ростовских святых в собрании Третьяковской галереи // ИКРЗ. 2012. Ростов, 2013. С. 93–102) убедительно доказывает, что на иконе изображен Игнатий, почитание которого тесно переплеталось с Исайей.

[2] *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Т. 1. С. 214.

© Гаркуша С.А., 2020

А. Г. Мельник, «икона представляет собой первый пример в иконописи особого типа групповых изображений святых. В произведениях данного типа по центру или около центра изображается Никола Чудотворец, а по бокам от него — русские святые...»[3].

Святитель Николай и преподобный Сергий вместе в числе избранных святых встречаются с конца XV в. Например, на иконе из собрания М. Б. Миндлина (конец XV — начало XVI в.)[4]: слева от Чудотворца представлена великомученица Екатерина, а справа — Сергий. Также преподобный Сергий и святитель Николай изображены вместе и на иконе из Музея древнерусской культуры им. Андрея Рублева (первая половина XVI в., далее — ЦМиАР)[5]. Нельзя исключать, что подобный иконографический тип мог существовать несколько ранее, с середины XV столетия, после канонизации Троицкого игумена в 1448–1449 гг. Такая же схема встречается в декоративно-прикладном искусстве (в резьбе и шитье)[6].

Происхождение последнего образа связывают с Троице-Сергиевым монастырем. По мнению Л. П. Тарасенко, «Для учеников и последователей преподобного Сергия образ святителя Николая мог иметь особый аспект почитания, так как келейной иконой радонежского игумена был “Никола Чудотворец”»[7].

Указание на то, что в келье Сергия Радонежского располагался образ Николая Чудотворца, имеется в достаточно поздней монастырской описи — 1641 г. Сейчас имеется две точки зрения на данное свидетельство. Согласно первой, если данные в описи верны, то икону следует датировать XIV столетием[8]. Вторая же группа исследователей придерживается мнения о том, что образ был создан в XV в., уже после преставления Сергия. На основании такой датировки можно предполагать, что икона Николы была написана с образа Сергия Радонежского, представленного на первом шитом покрове для его раки[9], чем объясняется сходство ликов двух святых в этих памятниках. Какая бы из версий не являлась истинной (вышит

[3] *Мельник А. Г.* Загадочная икона с изображением Николы Чудотворца и ростовских святых в собрании Третьяковской галереи... С. 96.

[4] Иконы из частных собраний: Русская иконопись XIV — начала XX века: Каталог выставки. М., 2004. С. 154. Кат. № 111.

[5] *Лазарев В. Н.* Московская школа иконописи — Les icôn de l’école de Moscou. М., 1980. С. 51. Кат. № 86.

[6] См.: *Маясова Н. А.* Группа памятников Московского шитья времени Дионисия // Ферапонтовский сборник. М.; Ферапонтово, 1999. Вып. 5. С. 208–220.

[7] *Тарасенко Л. П.* Святитель Николай Мирликийский, с Троицей Ветхозаветной, явлением Богоматери преподобному Сергию Радонежскому и избранными святыми // Иконы XIII–XVI веков в собрании музея имени Андрея Рублева. М., 2007. С. 344; *Николаева Т. В.* Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 20, 23, 24. Кат. № 96.

[8] Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники. М., 1908. С. 73.

[9] *Кочетков И. А.* Икона Николы, известная как келейная преподобного Сергия // ИКРЗ. 1993. Ростов, 1994. С. 59.

ли образ Сергия по образцу никольской иконы, или Никола написан с Сергия), сам факт их сходства наводит на мысль о сближении почитания этих святых.

В целом памятники, показывающие Николая Мирликийского со святителями и преподобными, прославленными на Руси (в том числе с Сергием Радонежским), несомненно, свидетельствуют о стремлении определить статус русских святых, негласно показать их равенство самому почитаемому христианскому подвижнику, показать широту и величие русской святости[10].

Подобное явление прослеживается и в житийных иконах. Древнерусские иконописцы опирались на византийские образцы никольских циклов и русские списки с них, создавая на их основе новую житийную программу. Беря истоки в Византии, литературный и живописный агиографический циклы святителя Николая менялись на русских землях под влиянием усиления монашеского звучания в древнерусской культуре[11]. Интересен тот факт, что в русских житийных иконах Николая Чудотворца в программе клейм акцент делался на его чудотворения (тогда как в византийских подчеркивалась его роль как епископа)[12]. В сергиевских житийных образах исследователи также отмечали «равнодушие иконописца к фактам гражданской деятельности святого»[13].

Верно замечание Э. К. Гусевой о житийном образе из Троице-Сергиевой Лавры (конец XV в.)[14]: «...Дионисий как бы сопоставляет их (эпизоды жития преподобного Сергия. — *С. Г.*) с самым известным на Руси иллюстрированным житием — житием святителя Николая, берет его за основу, своего рода канву. Это дает возможность придать житийному циклу преподобного Сергия традиционный характер, соотнести факты его жизни и чудес с Николиным житием, образцовым житием...»[15].

Традиционно первым в иконописных циклах Николая Чудотворца изображается его рождество. В Житии святителя указано, что при омовении

---

[10] См.: *Гаркуша С. А.* Соотношение житийной иконографии Николая Чудотворца и русских святых в древнерусском искусстве конца XV — XVI века // Николай Угодник. Образ святителя Николая в церковном искусстве. Материалы конференции 28–19 июня 2019. Кириллов, 2020 (в печати).

[11] См.: *Смирнова Э. С.* Житийный цикл святителя Николая Мирликийского в русской иконописи: Сложение местных особенностей во второй половине XIV — начале XV века // Искусство христианского мира. М., 2005. Вып. 9. С. 151–165.

[12] *Баччи М.* Иконография святителя Николая. Итоги и перспективы исследований // Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире. М., 2011. С. 92.

[13] *Кочетков И. А.* Иконописец как иллюстратор жития // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 336.

[14] *Николаева Т. В.* Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 26, 30, 35. Кат. № 69.

[15] *Гусева Э. К.* Роспись Никольского придела Рождественского собора Ферапонтова монастыря и житийные иконы Дионисия // Ферапонтовский сборник. М.; Ферапонтово, 1999. Вып. 5. С. 183.

он сам стоял в купели. Таким образом, чудесным является не столько момент рождения, сколько последующее стояние младенца. Этот чудесный эпизод составляет часть сцены рождества и помещается в первом клейме. Сходный тип прослеживается и в русской иконописи. Житийное повествование во всех образах Сергия Радонежского предварено рождеством (ил. 1). В Житии преподобного содержится описание предзнаменования явления в мир богоизбранного младенца: на литургии святой, находясь еще в утробе матери, трижды подал глас. По рождестве он отказывался от материнского молока в постные дни. Однако в отличие от сцены «Рождение Николая», где чудесное омовение проиллюстрировано, эпизоды возглашения и отказа Сергия от молока не нашли иконописного воплощения. Однако в сергиевских иконах помещена сцена омовения, традиционная и для Рождества Богородицы, и Рождества Христова, и святителя Николая, хотя она чудом ознаменована не была. Думается, в данном случае иконописцы следовали веками устоявшейся и наиболее распространенной схеме и не стали вносить в нее изменений.

Во многих иконах Николая Мирликийского после «Рождества» следует «Приведение во учение». Не исключено, что в житийных иконах Сергия Радонежского повествование об обучении (ему отводится два клейма) помещалось также под влиянием никольских образов (ил. 2). При этом иконографические схемы клейм «Приведение старца к родителям Варфоломея» и «Отдание Николая на обучение» достаточно схожи. В центре клейма находится чудесный младенец, с одной стороны — благословляющий учитель или старец, а с другой — родители, указывающие руками на свое чадо.

В русских житийных иконах Николая Чудотворца стала включаться сцена из чудес, произошедших на территории Руси: «Чудо о киевском младенце» — воскрешении утонувшего ребенка — сюжет, появившийся в Киеве в конце XI — начале XII в.[16] Впервые данный эпизод иллюстрируется в образе из Николо-Угрешского монастыря (конец XIV в., ГТГ)[17]. Здесь в клейме изображены родители, принесшие младенца в Софийский собор, чтобы помолиться у иконы Николая. Мать в молитве встает на колени и подносит чадо к образу, отец склоняется над ней. Чудотворный образ является важной частью сцены, что продиктовано житийным повествованием. В сергиевских циклах, в клеймах, иллюстрирующих «Воскрешение отрока», икона также является обязательным атрибутом сцены, хотя она не описана в Житии, а композиционное построение схоже с клеймами никольских икон (ил. 3).

Неотъемлемым в житийных образах преподобных и святителей является изображение монашеского пострига и поставления в сан. В никольских циклах этим эпизодам отводится два или три клейма. Иконы

[16] *Смирнова Э. С.* Житийный цикл святителя Николая... С. 160.

[17] *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Т. 1. С. 252–253. Кат. № 214. Ил. 169.

Сергия имеют только две сцены: «Постриг» и «Поставление в игумены», композиционно восходящие к «Поставлению Николая» (ил. 4). Следует обратить внимание на икону из ЦМиАР: в состав ее клейм добавлен третий сюжет — «Поставление во дьяконы». Вероятнее всего, расширение данной темы было также связано с опорой иконописца на никольские циклы.

В некоторых иконах Николая Мирликийского выделялись сцены явлений во сне императору Константину и епарху Евлавию. Мастера помещают идентичные сюжеты рядом, во-первых, иногда нарушая хронологический порядок, во-вторых, не боясь повторения почти одинаковых клейм. Думается, иконописцы использовали этот прием, чтобы выделить необходимые эпизоды. При размещении двух сходных сюжетов друг напротив друга в ущерб хронологическому повествованию в житийном образе начинал действовать иной принцип — символический, предполагающий выделение сцен, сходных по значению, идейному содержанию[18]. В образах Сергия Радонежского также встречаются одинаковые по композиции и содержанию клейма с явлением Сергия Радонежского Захарию Бороздину и Симеону Антонову. Сцены явления Николая могли быть восприняты иконописцами как неотъемлемо сопутствующие друг другу, поэтому в житийных иконах преподобного Сергия два эпизода исцеления так часто идут вместе.

Рассмотрим прием выделения схожих сцен подробнее. Друг напротив друга в некоторых образах также размещались эпизоды пострига и поставления в сан, а также «Обличение ереси Ария» и «Восстановление иконопочитания на Втором Никейском соборе»[19] в иконе, происходящей из села Павлова (первая половина XIV века, ГТГ)[20]. Относительно последнего случая Э. С. Смирнова замечала, что «к кругу актуальных проблем эпохи принадлежала и защита догматических основ православия»[21], поэтому данные сюжеты особо выделены в иконе (ил. 5). Эта же тема развивается Н. Н. Чугреевой в отношении житийной иконы Сергия Радонежского из ЦМиАР (ил. 6), где в верхнем и нижних рядах по центру выделены сцены, повествующие об изгнании бесов по молитве святого[22]. Данный композиционный прием, по мнению исследователя,

[18] *Барков А. Г.* Сергий Радонежский, с житием // Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV — XVI век. М., 2016. С. 112. *Зонова О. В.* Вновь открытая икона «Сергий Радонежский» из Успенского собора Московского Кремля // Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. М., 1980 (Материалы и исследования / Гос. музеи Моск. Кремля). Вып. 3. С. 48–52.

[19] *Смирнова Э. С.* Житийный цикл святителя Николая Мирликийского в русской иконописи: Сложение местных особенностей во второй половине XIV — начале XV века... С. 161–162.

[20] *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Т. 1. С. 205–206. Кат. № 164. Ил. 118–122.

[21] *Смирнова Э. С.* Житийный цикл святителя Николая... С. 163.

[22] *Чугреева Н. Н.* Уникальность авторской программы житийной иконы преподобного Сергия Радонежского около 1510 года из собрания Музея имени Андрея

был призван провести параллели между монашеской борьбой с бесами и противостоянием Православной Церкви ереси жидовствующих с конца XV в. Предполагаемый создатель иконы — Феодосий, сын Дионисия, общался с Иосифом Волоцким, который занимался обличением еретиков. Вероятно, иконографическая программа житийного образа была разработана Иосифом и Феодосием совместно[23] и была призвана укрепить позиции православия против еретичества. Таким образом, иконы как Николая Чудотворца, так и Сергия Радонежского служили негласным доказательством святости православного вероисповедания.

Если на раннем этапе появления житийных образов русских подвижников выявлено заимствование схем из икон Николая Чудотворца, то с середины XVI столетия наблюдается обратное явление. Показательна в этом отношении икона святителя из собрания В. А. Логвиненко (конец XVI — начало XVII в.)[24]. В иконографическую программу здесь введены не характерные для более раннего времени эпизоды: «Обретение источника», «Явление Богоматери Николаю» и «Исцеление бесноватого». Те же сюжеты имеются и в сергиевских циклах. Вероятно, их распространенность к концу XVI в. могла побудить автора обратиться к столь редким и практически не встречающимся в XV столетии сценам.

Житийные иконы преподобного Сергия Радонежского служат наиболее ярким примером сложного взаимодействия иконописца с памятниками предшествующих эпох. В ходе исследования были выявлены сюжеты, если не напрямую заимствованные из никольских циклов, то явно восходящие к ним. Э. К. Гусева замечала, что «отдельные сцены в клеймах сергиевской иконы (образ из Троице-Сергиевой Лавры. — *С. Г.*) <...> безошибочно узнаются, так как решены по классической схеме, они — своего рода парафраз хорошо известного изображения»[25]. При опоре на существующие циклы «возникает отвлеченный образ христианского подвижника»[26]. Вместе с тем мастера, характеризуя жизнь конкретного святого, вводят в программу иконописных циклов уникальные сюжеты, иногда впервые встречающиеся, и разрабатывают для них новые иконографические схемы. При таком сочетании византийской традиции и новаторства русских иконописцев на Руси расцветает житийная икона, повествующая о чудесах и деяниях русских святых, о величии русской святости.

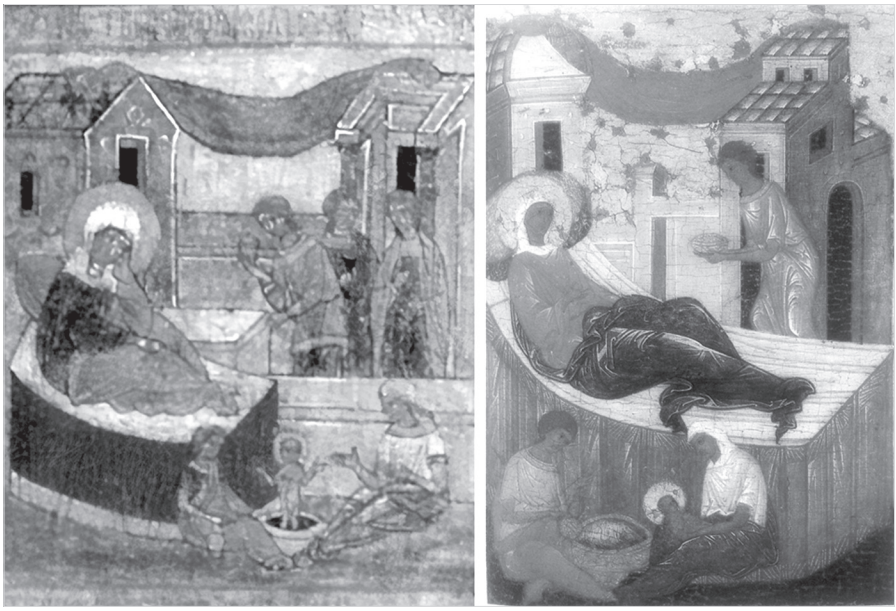
Рублева // Автор и авторство в древнерусском искусстве: Тезисы докладов научной конференции, 4–5 марта 2013. М., 2013. С. 49.

[23] *Чугреева Н. Н.* Уникальность авторской программы житийной иконы преподобного Сергия Радонежского около 1510 года из собрания Музея имени Андрея Рублева... С. 50.

[24] Слово и образ. Русские житийные иконы XIV — начала XX века: каталог выставки. М., 2010. С. 56–59. Кат. № 17.

[25] *Гусева Э. К.* Роспись Никольского придела Рождественского собора Ферапонтова монастыря и житийные иконы Дионисия... С. 183.

[26] *Кочетков И. А.* Иконописец как иллюстратор жития... С. 337.



Ил. 1. Слева: «Рождество Николая». Клеймо иконы «Николай Чудотворец». Середина – вторая половина XV в. Ярославский художественный музей. Справа: «Рождество Сергия». Клеймо иконы «Сергий Радонежский». Начало XVI в. ЦМиАР

Ил. 2. Слева: «Приведение Николая во учение». Клеймо иконы «Николай Чудотворец». Конец XV в. Рязанский государственный областной художественный музей им. И. П. Пожалостина. Справа: «Приведение старца к родителям Сергия». Клеймо иконы «Сергий Радонежский». Вторая четверть XVI в. ГТГ

Ил. 3. Слева: «Чудо о киевском младенце». Клеймо иконы «Николай Чудотворец». Конец XIV в. ГТГ. Справа: «Воскрешение отрока». Клеймо иконы «Сергий Радонежский». Первая половина – середина XVI в. ГМЗРК

Ил. 4. Слева: «Поставление в епископы». Клеймо иконы «Николай Чудотворец». Начало XVI в. Эрмитаж. Справа: «Поставление в игумены». Клеймо иконы «Сергий Радонежский». Вторая четверть XVI в. ГТГ

Ил. 5. Икона «Николай Чудотворец». Первая половина XIV в. ГТГ

Ил. 6. Икона «Сергий Радонежский». Начало XVI в. ЦМиАР